

АНАТОМИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ЧТО МОГУТ
РАССКАЗАТЬ
НАСЕКОМЫЕ,
ОТПЕЧАТКИ
ПАЛЬЦЕВ И ДНК

**ВЭЛ
МАКДЕРМИД**

Вэл Макдермид

**Анатомия преступления: Что
могут рассказать насекомые,
отпечатки пальцев и ДНК**

«Альпина Диджитал»

2015

Макдермид В.

Анатомия преступления: Что могут рассказать насекомые, отпечатки пальцев и ДНК / В. Макдермид — «Альпина Диджитал», 2015

ISBN 978-5-9614-4370-7

Насколько можно доверять дактилоскопии? Как насекомые помогают определить время убийства? Как по портретам, сделанным с учетом старения, находят политических и военных преступников? В этой книге всемирно известная шотландская писательница, автор детективов Вэл Макдермид меняет амплуа и предпринимает собственное расследование. Ее герои – гении сыска и рядовые полицейские, великие ученые и кропотливые эксперты. Громкие дела, ставшие основой для киносюжетов, серийные убийцы, жертвы несчастной любви или экстремальных сексуальных игр, поджигатели, растлители, мошенники, брачные аферисты... И поиски истины. Перед нами разворачивается долгая история криминалистики – от судебной медицины Древнего Китая до ДНК-профилирования – с ее ошибками и победами, когда спустя долгие годы удается найти преступника и дать свободу невинно осужденному.

ISBN 978-5-9614-4370-7

© Макдермид В., 2015

© Альпина Диджитал, 2015

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Вэл Макдермид

Анатомия преступления: Что могут рассказать насекомые, отпечатки пальцев и ДНК

Переводчик *Глеб Ястребов*

Редактор *Роза Пискотина*

Руководитель проекта *И. Серёгина*

Корректоры *Е. Аксёнова, С. Чупахина*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Дизайн обложки *Ю. Буга*

© Val McDermid, 2014, 2015

© The Wellcome Trust, 2014, 2015

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2016

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

Кэмерону с любовью

*Без науки не было бы тебя; без тебя картина будущего была
намного беднее. Славная штука наука*

Предисловие

Правосудие не всегда было правосудным. Представление о том, что уголовное право должно основываться на доказательствах, сложилось лишь недавно. Столетиями людей судили и признавали виновными за низкое положение в обществе или инородное происхождение, за то, что они, их жены или матери занимались знахарством, за цвет кожи, за неправильный выбор сексуального партнера, за то, что оказались не в то время не в том месте, да и просто ни за что.

Что же изменилось? Стало ясно, что место преступления таит множество полезной информации, а новые области науки дают возможность интерпретировать ее и представить в зале суда.

Робкие ручейки научных открытий в XVIII веке к XIX веку стали бурным потоком и нашли применение далеко за пределами лаборатории. Получила распространение идея корректного уголовного расследования, и тогдашние первые детективы стали искать доказательства, подкрепляющие гипотезы, которые возникали у них в ходе расследования преступлений.

Возникла система доказательств, принимаемых судом, то есть наука криминалистика. Вскоре стало ясно, что многие области научного знания способны внести в эту методологию что-то свое.

А вот пример, как на заре криминалистики соединились данные лабораторных методов исследования и (выражаясь современным языком) изучение документов. В 1794 году пистолетным выстрелом в голову был убит Эдвард Калшо. В ту пору пистолеты заряжались через дуло, а для того, чтобы разделить порох и дробь, туда помещался бумажный пыж. Осматривая тело, хирург нашел пыж в ране. Развернув его, он увидел, что бумага оторвана от страницы с балладой.

Обыскали подозреваемого Джона Томса. В кармане нашли листок с балладой. У листка был оторван уголок, который точно совпал с бумажной затычкой из пистолета. Ланкастерский суд обвинил Томса в убийстве.

Только представьте себе, с каким волнением люди следили за научными достижениями, благодаря которым закон становится все более надежным орудием в руках правосудия! Ученые помогали суду превращать подозрения в уверенность.

Взять хотя бы яд. Столетиями он был главным способом убийства. Однако без надежных токсикологических анализов доказать отравление почти невозможно. Но все течет, все меняется.

Поначалу научные доказательства оставляли желать лучшего. Тест на мышьяк, изобретенный в конце XVIII века, определял его лишь при большой дозе. Позже тест был усовершенствован английским химиком Джеймсом Маршем.

В 1832 году Марш выступал экспертом на судебном процессе по обвинению в убийстве: одного человека подозревали в том, что он подсыпал мышьяк в кофе своему дедушке. Ученый исследовал образец подозрительного кофе и доказал наличие мышьяка. Но к тому моменту, как он стал демонстрировать результаты перед присяжными, образец кофе испортился, и результаты перестали быть очевидными. Возникли основания для сомнений, обвиняемого отпустили.

Но это не остановило новоявленных экспертов. Джеймс Марш был настоящим ученым. Неудача лишь подстегнула его. После конфуза в суде он стал разрабатывать более надежный метод. Результатом стал тест, способный выявлять мышьяк в самых ничтожных дозах. В результате многие недооценившие научный прогресс викторианские отравители были повешены. Метод используется и в наши дни.

На криминальные темы – о пути от места преступления к залу суда – написаны тысячи детективных романов. Научный подход к расследованию преступлений – причина, по которой

и у меня всегда есть работа. И дело не в том, что криминалисты щедро жертвуют своим временем и знаниями, а в том, что во всем мире их работа преобразила судебный процесс.

Мы, авторы детективов, любим заявлять, что наш литературный жанр уходит в седую древность. Вспоминаем даже Библию: обман в Эдемском саду, убийство Каином своего брата Авеля, злодейство царя Давида по отношению к Урии. Убеждаем себя, что Шекспир был одним из нас.

На самом деле по-настоящему криминальный жанр появился лишь с возникновением юридической системы, основанной на доказательствах. Именно это завещали нам первые ученые и сыщики.

Даже в ту раннюю пору было ясно: не только наука может помочь судам, но и суды способствуют повышению уровня ученых. У обеих сторон есть своя роль в отправлении правосудия. Работая над книгой, я беседовала об истории, практике и будущем криминалистики с ведущими специалистами. Я взбиралась на верхний этаж самой высокой башни музея естественной истории в поисках личинок; я вспоминала о собственных столкновениях с неожиданной и насильственной смертью; я держала в руках сердца других людей. И этот опыт наполнил мое сердце трепетом и уважением. Мало что может быть увлекательнее рассказов ученых о пути – подчас запутанном и извилистом – от места преступления к залу суда.

И уж точно: правда диковиннее вымысла.

*Вэл Макдермид,
май 2014 года*

Глава 1

Место преступления

*Место преступления – безмолвный свидетель.
Питер Арнольд, эксперт-криминалист*

«Код ноль. Офицеру полиции нужна помощь» – этот позывной боится услышать любой полицейский. Серым ноябрьским утром в Брэдфорде в 2005 году обрывочные фразы констебля Терезы Миллберн заставили содрогнуться диспетчеров полиции Западного Йоркшира. Ведь случившееся касалось каждого. Страх, с которым копы живут изо дня в день, стал мрачной реальностью для двух женщин.

У Терезы и ее напарницы констебля Шарон Бешенивски, которая лишь девять месяцев назад поступила на эту работу, заканчивалась патрульная смена. Задача была – объезжать улицы и наблюдать. Вмешиваться в случае необходимости. Но главное, чтобы их видели на улицах. Шарон мечтала поскорее очутиться дома на дне рождения четырехлетнего сына. До конца смены оставалось около получаса, так что она вполне успевала к торту и настольным играм...

В 15:26 поступило сообщение. Сработала бесшумная сигнализация, соединяющая напрямую диспетчера полиции и местное отделение турагентства Universal Express. Женщины в любом случае проезжали мимо и решили отреагировать. Они оставили машину напротив агентства и пересекли оживленную улицу, направляясь к одноэтажной постройке. Вертикальные жалюзи на венецианских окнах не позволяли видеть происходящее внутри.

Подойдя ближе, они столкнулись лицом к лицу с тремя вооруженными бандитами. Выстрел – и пуля пронзила сердце Шарон. Впоследствии на суде Тереза скажет: «Мы были в шаге друг от друга. Шарон шла впереди меня. И тут она остановилась. Остановилась внезапно, так резко, что я чуть не налетела на нее. Я услышала хлопок, и Шарон упала на землю».

Через несколько секунд пулю в грудь получила и Тереза. «Я лежала на тротуаре. Кашляла кровью. Чувствовала, как кровь стекает по носу и заливает лицо. Дышать было тяжело». Из последних сил она нажала на кнопку экстренного вызова, и диспетчерская получила этот страшный позывной: «Код ноль»...

Питер Арнольд, эксперт-криминалист¹, обслуживающий научные подразделения Йоркшира и Хамберсайда, услышал позывной по радио. «Такое не забудешь. То место было видно от полицейского участка: оно находится чуть вверх по улице. И сразу нахлынуло множество полицейских. Я никогда не видел, чтобы сбегалось столько полицейских. Было похоже на эвакуацию при пожаре».

«Поначалу я не знал, что происходит. Потом услышал по рации, что кого-то застрелили, возможно, полицейского. И тоже побежал. Первым из экспертов оказался на месте. Хотелось помочь полиции выставить кордон, чтобы следы не затоптали. Вы ведь понимаете, все были на нервах. А нужен порядок».

¹ Здесь и далее перевод названий подразделений и должностей дается по возможности по аналогии с соответствующими названиями в российской практике. – *Прим. ред.*

Офицер полиции Шарон Бешенивски. Застрелена бандой вооруженных грабителей.

«На изучение места преступления у меня ушло почти две недели. Долгие-долгие часы. Я начинал работать в семь утра, а домой приходил к полуночи. Потом был как выжатый лимон, но тогда было не до усталости. И это останется со мной навсегда. Такое не забудешь. И не потому, что об этом столько писали и говорили, а потому что погибла коллега. Ведь Шарон работала в полиции, была частью нашей семьи. Ее друзья страшно горевали, но брали себя в руки – и за дело».

«Мы получили отличные результаты, и не только на месте преступления. Грамотно поработали с машинами, на которых скрылись грабители, и с укрытиями, которые они использовали. Дело сразу сдвинулось».

Бандитов, сделавших мужа Шарон Бешенивски вдовцом, а ее трех детей сиротами, задержали, судили и приговорили к пожизненному заключению. Это удалось в основном благодаря усилиям разных специалистов, людей, которые находят и исследуют улики, а затем представляют их в суде. Как это происходит, мы увидим далее.

У каждого убийства своя история. Чтобы разобраться в ней, следователи начинают с двух главных источников информации: место преступления и тело погибшего. Лучше всего, если тело осталось на месте преступления: легче реконструировать ход событий. Но так бывает не всегда. Скажем, Шарон Бешенивски отвезли в больницу в тщетной надежде спасти ее. Иногда люди, получившие смертельное ранение, умудряются далеко уйти от места нападения. Некоторые убийцы убирают тело, чтобы спрятать концы в воду или пустить полицию по ложному следу.

Так или иначе ученые разработали методы, которые обеспечивают детективов самыми разными данными о том, как произошла смерть. Но для того, чтобы ей поверили присяж-

ные, обвинению нужно доказать надежность и сохранность улик. А значит, действия на месте преступления должны быть предельно четкими. Как говорит Питер Арнольд, «место преступления – безмолвный свидетель. О случившемся не расскажет ни жертва, ни (скорее всего) подозреваемый. Поэтому мы должны построить гипотезу, позволяющую объяснить, что случилось».

Точность таких гипотез возрастала вместе с нашим пониманием того, что можно изучить на месте преступления. В XIX веке, когда нормой стало судопроизводство, построенное на доказательствах, о сохранности улик мало заботились. Правда, это не особенно мешало: уж слишком мало сведений можно было из них выжать. Однако по мере появления новых знаний возможности расширялись.

Большой вклад в развитие криминалистики внес француз Эдмон Локар. Он изучал медицину и право в Лионе, а в 1910 году открыл первую в мире криминалистическую лабораторию. Лионская полиция выделила ему две комнаты на чердаке и двух помощников. Ресурсы не ахти какие, но из них вырос международный центр. Локар с детства увлекался Конан Дойлем, а особенно на него повлиял «Этюд в багровых тонах», где Шерлок Холмс появляется впервые. В этом рассказе Холмс говорит: «Я специально изучал пепел от разных сортов табака; если хотите знать, я написал об этом целое исследование. Могу похвастаться, что с первого же взгляда определю вам по пеплу сорт сигары или табака»². В 1929 году Локар опубликовал доклад «Анализ следов пепла», посвященный определению сорта табака по пеплу.

² Перевод Н. Тренивой. Цит. по изд.: Конан Дойль А. Собрание сочинений в восьми томах. – М.: Правда, 1966.

Эдмон Локар, который открыл первую в мире криминалистическую лабораторию. Ему принадлежит фраза «Каждый контакт оставляет след», ставшая одним из принципов судебной медицины.

Он написал фундаментальный семитомный учебник по криминалистике, но самым, пожалуй, важным его вкладом в судебную науку стала формулировка, получившая название «локаровский принцип обмена»: «Каждый контакт оставляет след». По его словам, «преступник не может не оставить следов своего присутствия, тем более при серьезном преступлении». Это могут быть отпечатки пальцев, обуви, волокна с одежды, мелкие частицы веществ, клетки кожи, волосы, оружие или предметы, случайно оброненные или оставленные на месте происшествия. Верно и обратное: преступление оставляет следы на преступнике. Грязь, текстильные волокна, ДНК, кровь и другие вещества. Силу данного принципа Локар доказал собственными расследованиями. В одном случае он разоблачил человека, который имел, казалось, железное алиби во время убийства своей подруги. Локар обнаружил следы розовой пыли под ногтями подозреваемого: это оказалась пудра, причем приготовленная по индивидуальному рецепту специально для жертвы. Под напором улик убийца сознался.

Усилия судмедэкспертов очень важны. Но без тщательного осмотра места происшествия у них не будет материала для работы. Среди пионеров метода считывания информации на месте преступления была Фрэнсис Глесснер Ли – богатая чикагская наследница, которая основала в 1931 году Гарвардскую школу судебной медицины, первое в Америке учебное заведение такого рода. Ли соорудила ряд точных копий подлинных мест преступлений, включая окна, двери, буфеты и освещение. Эти жуткие кукольные домики она называла «маленькими пособиями по необъяснимой смерти» и использовала на учебных семинарах. Участники семинаров

получали до полутора часов на осмотр диорамы, после чего должны были написать отчет. Эрл Стэнли Гарднер, автор детективов о Перри Мейсоне, положенных затем в основу телесериала, восхищался: «Изучение этих моделей позволяет за час узнать о косвенных уликах больше, чем за месяц абстрактных штудий». Даже сейчас, полвека спустя, эти 18 моделей все еще используются для обучения судмедэкспертов в Мэриленде.

Но хотя Фрэнсис Глесснер Ли поняла принципы осмотра места происшествия, многого она еще не знала. Бумажные комбинезоны, нитриловые перчатки, защитные маски – все эти приспособления современных экспертов обеспечивают точность, о какой сыщики былых времен могли лишь мечтать. Так нашли и убийцу Шарон Бешенивски – хрестоматийный пример того, как улики шаг за шагом приводят к результату. И как всегда, следствие активно использовало данные судмедэкспертизы.

В этом процессе важнейшую роль играют эксперты-криминалисты, работающие на месте преступления. Сначала их долго готовят по особой программе, учат искать, собирать и хранить вещественные доказательства. Потом под руководством более опытных сотрудников они нарабатывают опыт, двигаясь от самых мелких преступлений к все более серьезным делам. Чтобы доказать свою компетентность, им нужно научиться собирать полный набор улик.

Все мы видели детективы по телевизору и вроде бы представляем себе осмотр места преступления: специалисты в белых халатах тщательно фотографируют, упаковывают и сохраняют важные улики. Но как обстоит дело в реальности? Чем занимаются эксперты? Что происходит после обнаружения трупа?

Обычно первыми прибывают полицейские в форме. Решение о том, считать ли смерть подозрительной, принимает инспектор уголовной полиции в штатском или сотрудник рангом выше. Если не исключена возможность убийства, обеспечивается сохранность места преступления, чтобы эксперты собрали все улики. Полицейские ограничивают доступ к месту преступления и фиксируют все происходящее. Ведется журнал учета лиц, которые приходят и уходят. Таким образом, отображаются все возможные источники внешних воздействий на вещественные доказательства.

Назначается старший следователь по делу. Все эксперты подотчетны ему и несут ответственность за результат. Старшего следователя консультирует руководитель бюро судмедэкспертизы, после чего тот координирует все научные ресурсы, которые понадобятся следствию.

Питер Арнольд, руководитель бюро судмедэкспертизы с цепким взглядом и бешеной энергией, – редкий энтузиаст своего дела. Его бюро работает на четыре полицейских подразделения. Это самая большая экспертная служба после лондонской со штатом около 500 человек. Она действует круглосуточно – сотрудники работают посменно, обеспечивая помощь в расследовании любого преступления. Бюро находится возле магистрали М1, неподалеку от Уэйкфилда, в современном здании, названном в честь Алека Джеффриса – основоположника ДНК-дактилоскопии. Отсюда открывается безмятежный вид на искусственное озеро, резко контрастирующий с передовой наукой внутри здания.

«Едва получив сигнал, я начинаю координировать ресурсы, – объясняет Питер. – Если преступление произошло в помещении, особой спешки нет, поскольку следы не занесет снегом и не зальет дождем. Место находится в целостности и сохранности, и можно действовать с чувством, с толком, с расстановкой. Но если преступление произошло на улице, а на дворе зима и вот-вот пойдет дождь, нужно реагировать очень оперативно, пока не уничтожены улики».

Поскольку Шарон Бешенивски убили на оживленной улице, важно было сохранить следы. Однако у Питера с его коллегами и без того хватало забот. «Люди думают, что при убийстве мы обследуем только место преступления. А ведь зачастую есть и другие объекты: машина, в которой ехали подозреваемые; дома, где они скрывались и где их арестовали. Если тело подбросили в другое место, надо изучить и его. Набирается пять-шесть объектов, и с каждым из них надо разбираться отдельно».

Начинается все с безопасности. Допустим, человека убили, а убийца разгуливает на свободе. Эксперты не носят защитные жилеты, у них нет ни пистолетов, ни электрошокеров, ни наручников. Они не обучены захватывать бандитов, следы преступления которых исследуют. Поэтому при необходимости экспертов охраняют полицейские с оружием.

Затем важно сохранить место преступления. Питер объясняет: «Если убийство совершено в доме, не всегда достаточно поставить кордон вокруг дома. Возможно, подозреваемые убежали, затем сели в машину и скрылись. По улице ездят машины, они могут наехать на пули, или пятна крови, или следы шин. Поэтому важно перекрыть движение на этом участке, пока не собраны улики».

Когда кордон установлен, к делу приступает менеджер, ответственный за место преступления. Он надевает специальное обмундирование: белый комбинезон, шапочку или капюшон, две пары защитных перчаток (ибо некоторые жидкости могут просочиться под первую пару), бахилы, а также хирургическую маску, чтобы не оставить на месте преступления свою ДНК, а себя защитить от биологически опасных веществ – крови, рвоты, фекалий и т. д.

Затем он обследует место преступления, ступая на особые подставки, чтобы защитить рабочую поверхность. При первом беглом осмотре он ищет следы, позволяющие быстро установить преступника. Это может быть кровавый отпечаток пальца на стекле, оставленный, когда преступник вылезал из окна, или следы крови, капавшие с него, когда спасался бегством. Можно всего за девять часов составить ДНК-профиль человека по пятну крови; издержки зависят от длительности выполнения заказа.

Питер должен учитывать все эти тонкости. В выходные дни Национальная база ДНК работает не всегда, поэтому бессмысленно переплачивать за срочную работу, если за нее возьмутся не сразу. Лучше заплатить за сутки, чтобы все было готово к утру понедельника и началу рабочей недели. «Приходится думать, как раздобыть нужные результаты. На практике многое происходит далеко не так, как в кино. Разве что в виде исключения. А сроки – дело серьезное. Экспертам необходим сон: иначе они не смогут работать. Но в случае ареста подозреваемого нужно действовать оперативно: если с уликами не поспешить, его придется отпустить. Поэтому необходимо выяснить, есть ли основания предъявить обвинение. Здесь требуется гибкость».

Пока решаются организационные вопросы, идет работа на месте преступления. Эксперты делают снимки из каждого угла комнаты. Снимают абсолютно все, включая пол и потолок, чтобы потом, если какая-то вещь окажется передвинутой, было известно, где она находилась первоначально. Бывает, что ключей к разгадке не видно, но лет через десять при пересмотре нераскрытых дел подсказки обнаруживаются.

Иногда эксперты ставят в центре помещения вращающуюся камеру. Она делает серию снимков, позволяющих с помощью компьютерной программы виртуально перемещаться по комнате и рассматривать предметы. Можно кликнуть на дверь и зайти в соседнюю комнату. Питер приводит даже такой пример: «Допустим, стреляли с улицы. Несколько пуль пробиты стекло и убили человека. В компьютерной модели можно не только обследовать комнату, но и выйти из дома и очень точно показать траекторию пули – до места, где находился стрелок». Возможность такого двойного обзора – улицы и места преступления – очень удобна для изложения дела перед судом присяжных.

Тем утром в Брэдфорде эксперты обследовали улицу (место убийства) и помещение туристического агентства, сотрудников которого избили и связали, угрожая пистолетом. На улице остались пятна крови. Их нужно было сфотографировать и исследовать, чтобы проверить свидетельские показания и уточнить последовательность событий. Были также найдены три гильзы от пистолета калибра 9 мм – одного из тех видов нелегального оружия, которое легко добыть и которое используют профессиональные преступники.

Тщательно изучив помещение турагентства, эксперты нашли важные улики: сумку для ноутбука, в которой пронесли оружие; нож одного из бандитов и пулю в стене. Специалисты

по баллистике выяснили, из какого пистолета пуля была выпущена. Ведь стволы делают с винтообразными нарезками, обеспечивающими пуле вращательное движение и устойчивую траекторию. У каждой модели своя нарезка. По следам, оставленным пулей в стене брэдфордского агентства, эксперты определили, что она выпущена из пистолета-пулемета МАС-10. Впоследствии выяснилось, что МАС-10 заклинило, и это, видимо, спасло несколько жизней.

Проводя идентификацию оружия, эксперты в Брэдфорде использовали мощные микроскопы и обширные цифровые базы, но судебная баллистика уходит корнями в сыскное дело XIX века. В ту пору пули делались не огромными партиями на заводах, а по индивидуальному заказу (часто владельца оружия). В 1835 году Генри Годдарда, одного из «бегунов с Боу-стрит» (Bow Street Runners – первое в Великобритании отделение сыскальной полиции), пригласили расследовать дело в дом миссис Максвелл в Саутгемптоне. Ее дворецкий Джозеф Рандалл уверял, что на дом напали грабители, стреляли, но он вступил с ними в схватку и спас имущество, рискуя жизнью. Годдард отметил, что задняя дверь взломана, в доме царит беспорядок, но все же история вызвала у него подозрения. Он взял у Рандалла пистолет, амуницию, формы для отливки пуль и пулю, якобы выпущенную в него. Выяснилось, что все они подходят друг другу: на пуле имелся крошечный круглый выступ, который точно соответствовал дефекту в форме для отливки пуль, принадлежавшей Рандаллу. Под напором улики дворецкий сознался, что инсценировал налет в надежде получить от миссис Максвелл награду за храбрость. Это был первый случай, когда сыщики определили, из какого пистолета выпущена пуля.

Место преступления – свидетель безмолвный, но часто есть живые очевидцы, и они могут рассказать немало ценного. В деле об убийстве Шарон Бешенивски свидетели показали, что бандиты скрылись на внедорожнике 4×4 серебристого цвета. Дорожная полиция немедленно начала проверку записей с камер видеонаблюдения и определила, что это автомобиль Toyota RAV4. Еще несколько месяцев назад на том история и закончилась бы. Однако в 2005 году Брэдфорд одним из первых английских городов установил камеры, фиксирующие каждое транспортное средство. Программа Big Fish делает и запоминает до 100 000 снимков в день.

Полиция потеряла след автомобиля, когда он покинул центр Брэдфорда. Однако с помощью технологии автоматического распознавания номерных знаков удалось выяснить, что внедорожник был взят в аренду в аэропорту Хитроу. Через считанные часы лондонская полиция нашла его и арестовала шесть подозреваемых.

Но тут, казалось, удача изменила детективам. Шестеро арестованных быстро доказали, что не участвовали в налете на брэдфордское агентство. Их выпустили на свободу, не предъявив обвинения. Тупик?

Опять-таки на помощь пришли эксперты. Они обследовали внедорожник и нашли немало интересного: коробку из-под сока Ribena, бутылку воды, упаковку из-под сэндвича и кассовый чек. Кассовый чек был выдан автозаправочной станцией Вулли Эдж возле магистрали M1 к югу от Лидса. На чеке стояло время 18:00, то есть два с лишним часа после убийства Шарон Бешенивски. Все эти предметы – классический набор вещественных доказательств, которые можно быстро отследить для оперативной идентификации.

Полиция изучила данные с камер видеонаблюдения в магазине и выявила человека, покупающего продукты, найденные во внедорожнике. Тем временем купленные товары проверили на предмет отпечатков пальцев и следов ДНК, и, когда результаты сопоставили с национальными базами данных, выяснились имена шести подозреваемых. Все они были связаны с одной из лондонских преступных группировок.

Оставалось лишь поймать их. Трех бандитов – тех, что вели машину и стояли на стреме, – посадили за грабеж и непредумышленное убийство. Двое получили пожизненный срок. Одному удалось бежать из страны к себе на родину в Сомали, надев паранджу и выдав себя за женщину. Однако полиция Западного Йоркшира не сдавалась. После тайной опера-

ции спецслужб он был экстрадирован, предан суду и приговорен к пожизненному заключению. Коллеги Шарон Бешенивски не пустили дело на самотек. Они задействовали для торжества правосудия все возможные средства.

Не надо думать, что команды криминалистов выкладываются по-настоящему лишь в случае громких дел. Если преступление серьезное (скажем, кража со взломом) и есть шанс найти улики и поймать преступника, берут мазок из ротовой полости для анализа ДНК, отпечатки пальцев и обуви. Иногда ответ проясняется после первого анализа, и нужда в сложных исследованиях отпадает. Допустим, на ноже есть отпечатки пальцев убийцы: зачем исследовать еще и ДНК? Питер объясняет: «Нет нужды использовать передовые технологии, если результат получен просто и дешево». Любители детективов подчас забывают об этом. Эксперт Вэл Томлинсон рассказывает: «Бывают такие следователи, которые словно с луны свалились. Помню случай: нашли покойника с ножом в груди. И следователь говорит: "Надо изучить следы металла на краях раны, чтобы убедиться, что рана именно от этого ножа". Я отвечаю: "Может, не будем, раз нож торчит из тела?"»

Но если в передовых технологиях есть нужда, возможности очень широки, как мы увидим далее. Питеру особенно нравится Британская национальная база отпечатков обуви, которая помогает выявить связь между преступлениями. Как-то раз он обратился к ней, найдя необычный след на месте изнасилования. Такой же след был обнаружен и на других местах преступления в Западном Йоркшире. Это совпадение помогло полиции сосредоточить внимание на одном человеке, которого затем и осудили.

Питер говорит, что успешные дела лучше запоминаются. «Вот удивительный случай. Эксперт отправился фотографировать женщину, которая была сильно избита и попала в реанимацию. Потом она скончалась от полученных травм, но эксперт заметил на ее лице следы странной формы. Тогда наш специалист провел съемку в ультрафиолетовых и инфракрасных лучах. Исследовав снимки, мы увидели явственные отпечатки кроссовок».

«Потом мы получили кроссовки подозреваемого и нашли на них кровь. Более того, по числу и виду характерных отметин эксперт по обуви доказал, что женщину ударили ногой по лицу раз восемь, если не больше. Дело ясное: женщину зверски избили. Подозреваемый утверждал, что "случайно наступил на ее лицо". Но срок ему дали большой: выводы экспертизы были недвусмысленными».

В конечном счете долгое изучение места преступления ведет в зал суда, где доказательства, собранные Питером и его коллегами, проверяются адвокатами, взвешиваются судьей и присяжными. Это уже совсем далеко от бесстрастного мира науки. И по словам Питера, на суде ни перед кем не расшаркиваются.

«Помню, однажды меня три часа промариновали на свидетельском месте, подвергая перекрестному допросу. Анализ ДНК показал, что подозреваемый напал на женщину и ограбил ее. Но добыть улики мне было очень непросто. Пожалуй, намного сложнее, чем обычно».

«С самим анализом ДНК никто не спорил, но защита придерживалась линии, что я подбросил улики. На кону было мое доброе имя, и тут ключевую роль сыграла документация. Я предоставил все снимки, сделанные до того, как прикоснулся к чему-либо. Присяжные смогли увидеть место преступления, каким оно было изначально. А снимки делались пошагово вплоть до того момента, как мы нашли предмет, позволивший сделать ДНК-профилирование. Присяжные увидели, что и в какой последовательности я делал, особенности, позволявшие идентифицировать тот или иной предмет.

Потом встал вопрос о том, не подделал ли улики кто-нибудь позже. У меня был задокументирован каждый этап процесса. Ни к чему не подкопаешься. Однако на меня нападали и нападали. В итоге я прямо в зале суда надел комбинезон, маску, перчатки и капюшон. Достал стерильный лист бумаги. Достал вещдок. Показал его присяжным, потом показал фотографии, чтобы они убедились: это та самая вещь с ее уникальными особенностями. В итоге улики

выдержали испытание, но я понял, сколь далеко могут зайти адвокаты, пытаясь отмазать клиента.

Приятного мало, и все же я считаю, что состязательность судопроизводства необходима. Мне бросили вызов, но в результате это лишь усилило доказательства, поскольку стало ясно, что улики бесспорны. И сейчас уже 10 лет прошло, а никто так и не подал апелляцию, пытаясь бросить тень на вещественные доказательства. Хотя лично я не против. Пожалуйста, пусть оспаривают».

Технологии проделали огромный путь. Но до совершенства еще далеко. И по словам Питера, мы, авторы детективов, не всегда помогаем делу. «Часто люди ждут от нас чудес, которые видят по телевизору. А когда мы приходим и объясняем, почему не можем провести тот или иной анализ, нам не всегда верят. Даже совестно: получается, обманули чужие ожидания».

Питер имеет в виду «эффект CSI», названный так по американскому сериалу «C. S. I.: Место преступления». Есть мнение, что сериал создал ошибочное представление о возможностях криминалистики. В частности, присяжные часто полагают, что без анализа ДНК не обойтись. Однако многие смотрят на «эффект CSI» иначе: простые люди получили представление, пусть и не всегда точное, о том, чем занимается криминалистика. Когда эксперты и судьи делают свою работу добросовестно, они могут помочь присяжным понять важность разных видов улик.

В 2011 году был удивительный случай в Уилтшире, когда девушка повторила увиденный ею в «CSI» трюк, чтобы изблечить преступника. Месяцами в Чиппенхеме действовал насильник. Он намечал жертву, надевал черную балаклаву и перчатки и затаскивал женщину в машину. Потом увозил ее подальше от людных мест (скажем, в заброшенный дом), насиловал и после этого заставлял уничтожить все следы насилия с помощью полотенца. А вот как его поймали: последняя жертва вырвала у себя несколько волос и оставила их в салоне машины, пока они ехали обратно. Впоследствии она объяснила: она не знала, останется ли в живых, но понимала, что будет расследование, и полиция сделает анализ ДНК. «Я всегда обожала "CSI". Видела множество серий. Представляю, что делать и как работает полиция». Ее волосы и слюна, которую она также оставила на сиденье, дали возможность привлечь младшего капрала Джонатана Хейнса к ответственности за шесть изнасилований.

Питер Арнольд полагает, что британские эксперты могут поучиться у телегероев. «У нас нет нормального мобильного приложения с доступом к базам данных, которое избавило бы от необходимости постоянно мотаться между бюро и местом преступления. Казалось бы, очень удобно. Ходишь себе с айфоном, и масса информации всегда под рукой. Однако разработать и внедрить такую программу недешево. У нас нет миллионов фунтов на разработку программного обеспечения. Кроме того, существует проблема безопасности данных.

Но если бы была разработана система криминалистики в реальном времени, это существенно упростило бы все процедуры. Сейчас, если дом ограбили и есть образец для ДНК-профилирования, все равно мы должны доставить его с курьером в лабораторию. Пока сделаем заказ, пока его выполнят... Хотя кражам мы уделяем большое внимание и с экспертизой спешим. ДНК-профилирование делаем часов за девять. Зачем ждать два-три дня для идентификации грабителя, когда ее можно осуществить за девять часов, после чего быстро взять его под стражу и тогда уже вечером он никого не ограбит? Эти принципы действуют в случае важных дел. Так и с отпечатками пальцев. Мы сильно ускорили дело, но, если обрабатывать информацию на месте, это позволит еще больше ускориться.

Эксперты обследуют место убийства Шарон Бешенивски

Вы только подумайте. Допустим, мы прибудем на место в течение часа и за полчаса его исследуем, тогда имя грабителя у нас может быть через полтора часа после преступления! Полиция постучится в дверь бандитов, пока у них еще сумки с краденым не распакованы. Жертва получает свое добро обратно, а до преступного мира доходит, что с полицией шутки плохи».

Работа приносит не только радости, но и стресс, и напряжение. Мы многого требуем от вершителей правосудия, но не всегда понимаем, чего им стоят их труды. Питер Арнольд говорит: «Мы видим худшее, на что способен человек, и меня до сих пор потрясают некоторые вещи. Большинство людей могут пойти домой и обсудить свою работу с близкими. А мы не можем. Но даже если б могли, я бы не хотел, чтобы моя семья знала, что мне приходится видеть».

Глава 2

Расследование пожаров

Обычно там темно, зловонно, неудобно и физически тяжело. Работы много. Домой приходишь грязная и пропахшая горелым пластиком. Все это малопривлекательно, но интересно.

Ниам Ник Дейд, специалист по расследованию пожаров

Воскресенье, 2 сентября 1666 года. Лондон, в доме на Пудинг-лейн от собственного кашля просыпается слуга. Осознав, что горит магазин на первом этаже, он стучится в спальню хозяина, пекаря по имени Томас Фарринер. Все жильцы спасаются из дома по крышам, за исключением горничной Розы, которая парализована от страха и гибнет в пламени.

Вскоре огонь перекидывается на стены соседних домов. У лорд-мэра Томаса Бладворта просят разрешения снести здания, чтобы остановить пожар. Однако Бладворт недоволен, что его вытащили из постели, и отказывается от решительных мер. «Ерунда! – отвечает он. – Его поутшит и писающая женщина». И уходит спать.

Так описал то утро в своем дневнике Сэмюэл Пипс: «Ветер очень силен и гонит огонь в город. После столь долгой жары горит все, даже камни церквей». Днем Лондон уже объят огненным смерчем, пожирающим «склады масла, вина и бренди», деревянные дома, соломенные крыши, древесную смолу, пеньку, жир, уголь, порох – многие жизненно важные материалы XVII века были горючими. Воздух, нагретый огнем, вытесняется все новым и новым свежим воздухом, подпитывая кислородом этот ад. Великий лондонский пожар создал собственную погодную систему.

Через четыре дня пожар затих, уничтожив большую часть средневекового Лондона, в том числе более 13 000 домов, 87 церквей и собор святого Павла. Около 70 000 лондонцев (при общем числе жителей в 80 000) остаются без крова.

Не успел еще остыть пепел, а по городу поползли темные слухи. Большинство горожан не могли поверить, что пожар был случайностью. Уж слишком много совпадений: пожар начался среди деревянных зданий, стоящих тесно друг к другу, когда все спали, причем в тот единственный день недели, когда тушить его было почти некому, да еще во время сильного ветра и отлива Темзы.

Слухи о заговоре множились. Хирург Томас Миддлтон, стоявший на церковной колокольне, вроде бы видел, что пожар начался одновременно в нескольких точках, расположенных далеко друг от друга. «Эти и другие подобные наблюдения укрепили меня во мнении, что имел место поджог», – писал он.

Под особое подозрение попали иностранцы. В Мурфилдсе одного француза чуть не забили до смерти за то, что он нес в ящике «огненные шары». Но это оказались теннисные мячи. Стихи и песни выражали недоумение по поводу причин пожара:

Нам знать не суждено, за что проклятие Господне. Откуда принесло беду – из Рима, Амстердама, преисподней?

Аноним. «Поэма о лондонском пожаре» (1667)

Желание разобраться в ситуации началось с верхов. Ведь король Карл II потерял больше имущества, чем кто-либо еще. Он поручил парламенту создать комитет по расследованию происшествия. Отыскались многочисленные свидетели. Некоторые заявили, что видели, как кто-то кидает в дома зажженные факелы, или даже признавались, что сами их кидали. Некий Эдвард Тейлор сообщил, что в субботу вечером пошел со своим дядей-голландцем на Пудинг-лейн, увидел открытое окно пекарни Томаса Фарринера и швырнул в него «два огненных шара,

сделанных из пороха и серы». Но поскольку Эдварду Тейлору было всего лишь 10 лет, ему не поверили. Зачинщиком пожара назвал себя и Робер Юбер, простолюдин и сын французского часовщика. Никто не верил ему, но, поскольку он настаивал, его осудили и отправили на виселицу в Тайберне.

Один из членов парламентского комитета, сэр Томас Осборн, писал, что «все обвинения очень легковесны и вообще люди убеждены, что пожар был случайностью». В итоге комитет решил, что ужасное происшествие вызвано «рукой Божьей, сильным ветром и засушливым временем года».

Негусто, однако ничего удивительного. Чтобы исследовать причины пожаров, нужно понимать физику огня. А в XVII веке научные познания на сей счет были, увы, незначительны. Лишь в 1861 году, когда Майкл Фарадей в книге «Химическая история свечи» изложил шесть своих лекций об огне, эти сведения стали достоянием широкой публики. Это были лекции, прочитанные для детей, но книга до сих пор остается классикой. На примере свечи Фарадей объяснил процесс горения. В одной из лекций он потушил свечу, накрыв ее банкой. Ученый объяснял: «Воздух совершенно необходим для горения; мало того: вы должны понять, что необходим *свежий* воздух»³. Под «свежим воздухом» он имел в виду кислород.

³ Перевод под ред. Б. В. Новожилова. Цит. по изд.: Фарадей М. История свечи. – М.: Наука, 1980.

Майкл Фарадей, чья книга «Химическая история свечи» (1861) проложила путь современным исследователям пожаров

Довелось Фарадею выступать и в роли судебного эксперта, причем он брал с собой лабораторные материалы. В 1819 году владельцы сахарного завода в Уайтчепеле (район Лондона), уничтоженного пожаром, подали в суд на страховую компанию, которая отказалась выплатить 15 000 фунтов компенсации. Вопрос упирался в то, способствует ли возгоранию процесс, включающий разогретый китовый жир. Это нововведение владельцы внедрили без ведома страховщиков. Перед свидетельством в суде Фарадей провел эксперименты над китовым жиром, нагревая его до 200°C, чтобы продемонстрировать: «Все испарения жира, за исключением водных, более огнеопасны, чем сам жир. Один из присяжных не поверил ему. Тогда Фарадей поджег в сосуде одну из фракций китового жира (нафту), и «по залу суда разнесся весьма неприятный запах».

Самое важное криминальное расследование Фарадея было связано со взрывом на Хэсуэллской шахте в графстве Дарем (1844 год), унесшим жизни 95 мужчин и мальчиков. Взрыв произошел в период волнений среди рабочих. Адвокат скорбящих родственников обратился к премьер-министру Роберту Пилю с просьбой провести правительственное расследование. В комиссию вошел и Фарадей.

Комиссия провела день, осматривая шахту и особенно интересуясь воздушными потоками. В какой-то момент Фарадей осознал, что сидит на бочке с порохом возле зажженной свечи. Он тут же вскочил, распекая коллег за беспечность. В итоге был вынесен вердикт, согласно которому взрыв произошел случайно. Фарадей согласился с ним. Однако по возвращении в Лондон комиссия представила доклад, в котором указывала, что существенную роль во взрыве сыграла угольная пыль, и рекомендовала улучшить вентиляцию. Владельцы шахты заупрямились, не желая лишних расходов. И этим риском пренебрегали еще 60 лет, пока в результате такого же взрыва на Сененизской шахте в Уэльсе (1913 год) не погибли 440 шахтеров. В истории Великобритании это была самая серьезная авария на шахте.

В XX веке расследованиями пожаров занимались и пожарная служба, и научное сообщество. Свою лепту вносило правительство, желающее знать число и причины пожаров. В 1960–1970-е годы расследования обрели более солидную научную основу: был создан протокол действий; новые инструменты позволили выявлять на месте пожаров сложные химические смеси (в частности, бензин); появились и соответствующие специалисты. Во многом благодаря этим новым знаниям теперь пожар или взрыв (по сути, ускоренный пожар) редко влечет за собой столь ужасные человеческие потери. А когда такое все же случается, это надолго остается в памяти следователей.

В числе пионеров этой новой области была ирландская супружеская чета. Их дочь Ниям Ник Дейд, судебный химик из Университета Данди, продолжила их дело, доискиваясь до правды на мрачных пепелищах. Ниям объясняет: «Пожалуй, это у нас семейное. Ведь независимыми пожарными дознавателями были мои родители. Моя мать и сейчас этим занимается. Так я и росла с этим. Мы с братом зарабатывали деньги на карманные расходы, вклеивая картинки в доклады родителей: одна картинка – пять пенсов. И как вы понимаете, за едой разговоры были сплошь о пожарах».

Гибнет ли имущество человека или дорогие ему люди, дознаватель оказывается свидетелем того, как самая свирепая сила природы рушит человеческий мир. Я не могла не вспомнить об этом, когда спрашивала Ниям о наиболее запомнившихся ей пожарах. Она ответила, не задумываясь: «Пожар в дискотеке Stardust».

Ранним утром Дня святого Валентина в 1981 году я безмятежно спала в своей постели в Дербишире. Я была молодой журналисткой северного отдела новостей одной национальной воскресной газеты. Мне никогда не доводилось писать о крупном бедствии, пока однажды ни свет ни заря меня не разбудил звонок. Знакомый хриплый голос новостного редактора произнес: «Сгорела дискотека в Дублине. Десятки жертв. Полетишь семичасовым самолетом».

К тому времени как я добралась до Манчестерского аэропорта, радио подтвердило услышанное. Большой пожар. Погибли молодые люди. Отправились повеселиться ночью и не вернулись домой. В аэропорту было много журналистов и фотографов, которые ждали коллег, чтобы договориться, кто чем займется.

Моя собственная команда – еще три репортера и два фотографа – пробилась к стойке бара. Мне налили двойной виски. Даже тогда, работая в газете и будучи далеко не трезвенницей, я не привыкла начинать день подобным образом. «Пей, – сказал коллега, – поверь, тебе скоро это понадобится».

Он оказался прав. Когда мы приземлились в Дублине, ирландский собкор сообщил печальные вести. Погибло более 40 человек. Поскольку предполагалось, что мне как женщине легче найти подход к скорбящим людям, но при этом хватит хладнокровия, чтобы получить нужную информацию, меня послали к семьям погибших. Их высказывания и фотографии погибших должны были сделать наш рассказ более красноречивым.

Остаток дня я провела в Кулоке, микрорайоне Дублина, где жили многие из подростков, погибших в Stardust. Семьи были потрясены, но, как ни странно, испытывали благодарность за

то, что кому-то есть дело до их детей. Никогда еще у меня не было такого горестного рабочего дня. А ведь я была лишь зрителем. И на душе становилось тяжело, когда я представляла, что переживают эти люди.

После сдачи первого материала я встретила с одним из членов нашей команды на месте пожара. Возле входа мало что было видно: разбитые окна на втором этаже да идущий из них дым. От копоти и гари щипало в горле, а в остальном ничто не напоминало о том, что 48 человек погибли и более 240 получили травмы. Внутри здания царил полный разгром, но снаружи на пожар указывали только пожарные и полицейские машины, заполнившие улицу.

Мать Ниам Ник Дейд была среди тех, кому поручили расследование ночного пожара в Stardust.

Да, совсем по-другому надеялись запомнить праздничную ночь гости дискотеки. Мальчики и девочки не старше 20 заплатили по три фунта за билет, дававший им право на сосиску с чипсами и танцы до двух ночи. Их было 841.

Следователи на месте пожара в дискотеке Stardust, в ходе которого 48 человек погибли и более 240 получили травмы

За 20 минут до закрытия диджей объявил победителей танцевального конкурса. Еще через минуту некоторые гуляки заметили, что из-за занавеса слева от танцпола идет дым. Но большинство решили, что так задумано, и продолжали танцевать.

За занавесом располагались ярусами пять рядов кинокресел. Отодвинув занавес, люди увидели, что кресла в заднем ряду горят. Их полиуретановый наполнитель испускал черные клубы ядовитых паров синильной кислоты. Поначалу казалось, что пламя небольшое и с ним нетрудно справиться. Но оно быстро разгоралось, а водяные огнетушители оказались бессильны. Через пять минут расплавленный пластик стал капать на людей на танцплощадке.

Часть потолка обвалилась, и густой ядовитый дым наполнил зал. Впоследствии выжившие говорили, что их потрясло то, как быстро развивались события.

Когда начинается паника, люди инстинктивно пытаются покинуть здание тем же путем, которым вошли. Поэтому в узком фойе возле главного входа сразу возник затор. Увы, входные двери оказались заперты, и прошло несколько драгоценных минут, прежде чем местный вышибала протиснулся с ключом сквозь обезумевшую толпу.

Но бедствия можно было избежать. В дискотеке имелось шесть пожарных выходов. Однако владелец Имон Баттерли опасался, что кто-нибудь откроет двери снаружи и проникнет, не заплатив, поэтому один из пожарных выходов был заперт, а на других дверях были намотаны цепи, чтобы они казались запертыми. К счастью, в конце концов их удалось открыть. Еще один пожарный выход перекрывали столы и кресла, а другой – пластиковые мусорные контейнеры.

В 1:45, когда потолок в зале обрушился и электричество вырубилось, внутри оставалось еще около 500 человек. Бушующее пламя стало единственным источником света. Музыка группы Adam and the Ants сменилась отчаянными воплями. Уже через девять минут после того, как пожар был замечен, в Stardust пылало все: сиденья, стены, потолок, пол, столы и даже металлические пепельницы.

В суматохе некоторые бросились в туалеты. Но за шесть недель до праздника Баттерли узнал, что через окна туалетов некоторые клиенты пытаются передавать выпивку, и приказал забить их стальными листами (в дополнение к металлическим прутьям снаружи). Когда пожарные прибыли на место – через 11 минут после начала пожара, – они протянули тросы от решеток к машинам и нажали на газ. Однако им удалось лишь погнуть решетки. Люди в туалетах оказались запертыми среди огня и дыма...

У каждого жителя близлежащих рабочих районов Артейн, Килмор и Кулок были знакомые среди тех, кого коснулась трагедия. Погибших оплакивала вся Ирландия. Пятеро были настолько обожжены, что их не смогли идентифицировать. (Лишь в 2007 году их тела эксгумировали из братской могилы и опознали с помощью анализа ДНК.)

Утром Дня святого Валентина, в 8:35, детектив Гарда Симус Квинн начал расследование в разоренной дискотеке. Он затратил на осмотр пять часов и не нашел ни следов горючих веществ, ни проблем с электропроводкой в том месте, где впервые был замечен пожар. Он также обнаружил, бросив зажженную сигарету на схожее кресло, что огнестойкая ПВХ-ткань не загорелась. Может, кто-нибудь специально порезал кресло, а затем поджег полиуретановый наполнитель?

Британский Центр по предупреждению и защите от пожаров провел в своем ангаре в Кардингтоне, графство Бедфордшир, полномасштабную реконструкцию события. Следователь Билл Малотра сумел поджечь кресла, разрезав обивку и засунув в них газетную бумагу. Пламя поднялось до низкого потолка и расплавило плитку, в результате чего горячие капли стали падать на другие кресла. Все кресла в узком пространстве нагрелись, и кипящие капли одолели полихлорвиниловое покрытие. А после того как загорелись пять кресел в заднем ряду, пламя перекинулось и на другие ряды. Таким образом эксперименты Квинна и Малотры наводили на мысль о поджоге.

В июне 1982 года, через 18 месяцев после пожара, ирландские власти опубликовали результаты публичного расследования. О причинах в докладе было сказано весьма двусмысленно. С одной стороны: «По-видимому, пожар был умышленным». С другой: «Причина пожара не известна и, вероятно, никогда не будет известна. Нет доказательств ни случайного, ни преднамеренного характера его возникновения». Судебные эксперты, дававшие показания по делу, разделились. Квинн, Малотра и еще один криминалист полагали, что имел место поджог, а еще двое не исключали неисправность электропроводки.

Доклад ставил многое в вину Имону Баттерли, в частности то, что он не обеспечил безопасность электропроводки, а для охраны дверей использовал засовы вместо привратников.

Дополнительную охрану можно было нанять всего за 50 фунтов – чуть больше фунта за каждую потерянную жизнь. Относительно заколоченных окон в туалете говорилось: «Хотя их основной целью была вентиляция, в случае необходимости через них можно было выбраться». Все же доклад снимал ответственность с Баттерли, поскольку пожар, «видимо, был вызван поджогом». Поэтому в 1983 году государство выплатило Баттерли компенсацию за злоумышленное причинение вреда в размере 500 000 фунтов. В 1985 году каждая из семей погибших получила в среднем лишь 12 000 фунтов.

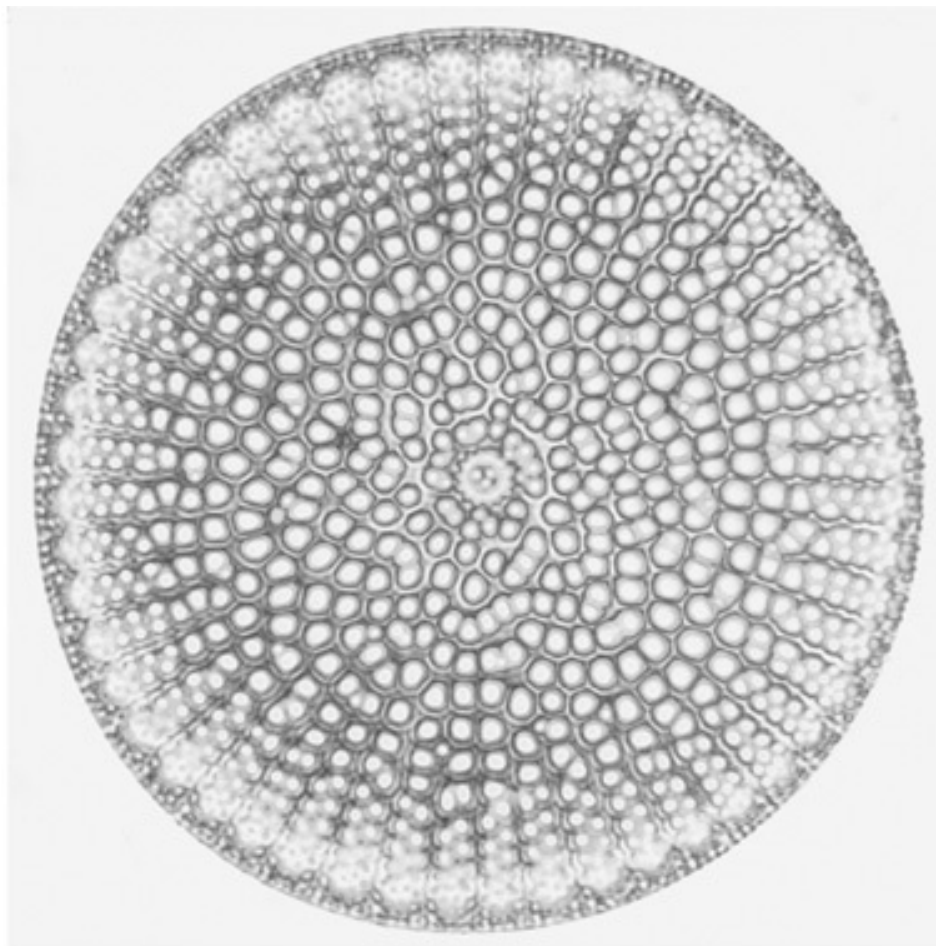
Впрочем, семьи не столько беспокоились о деньгах, сколько пытались понять, почему погибли их близкие. Но как докопаться до правды? Столько потенциальных улик уничтожено огнем. Однако люди не оставляли надежды. В 2006 году Комитет жертв Stardust привлек к сотрудничеству новых экспертов, чтобы добиться нового публичного расследования. Эти эксперты отметили следующее обстоятельство: при реконструкции в кардингтонском ангаре огонь спалил за 13 минут все кресла и совершенно не повредил крышу, тогда как на дискотеке огонь был замечен в 1:41, и уже через пять минут зарево полыхало в ночном небе. Концы с концами не сходились.

Эксперты обратили внимание на некоторые показания очевидцев. Люди, стоявшие снаружи, утверждали, что видели пламя на крыше за несколько минут до 1:41. По словам работников дискотеки, в течение нескольких недель, предшествующих трагедии, из ламповой комнаты над главным баром, находившимся как раз возле загоревшихся кресел, появлялись дымок и «искры». В саму роковую ночь Линда Бишоп с подружкой сидели под вентиляционной решеткой, слушая Born to be Alive, как вдруг почувствовали, что стало очень жарко. Линда глянула на новые электронные часы, подаренные ей на Рождество. На них было 1:33. Бармен, борющийся с огнем, заявлял, что перед пожаром «ощущал сильнейший жар, идущий от потолка», а потому «уверен, что с потолка пожар и начался».

Эксперты, нанятые Комитетом жертв Stardust, пришли к выводу, что огонь перекинулся именно с потолка на кресла, а не наоборот. А потолок загорелся от неполадок с электропроводкой в ламповой комнате, расположенной под крышей и оборудованной точечными светильниками и пластиковыми сиденьями. Рядом с ламповой комнатой была кладовка, и, по мнению экспертов, при первоначальном расследовании их ввели в заблуждение относительно вещей, хранившихся в ней. Адвокат Имона Баттерли описал «приблизительное содержание» кладовки: «отбеливатели, восковая паста, аэрозоли, моющие средства и растворы на основе бензина». Однако он не упомянул крайне огнеопасные «ящики с маслом для приготовления пищи». А они также там находились.

Майкл Делихациос, профессор динамики пожара, полагает, что если из ламповой комнаты шел сильный жар, то огнеопасные субстанции в кладовке могли воспламениться. Это объясняет невероятную быстроту, с которой развивался пожар, когда на головы танцующих людей стал осыпаться горящий пластик, а затем обрушился весь потолок. В 2009 году власти поручили старшему юрисконсульту Полу Коффи изучить доводы в пользу нового публичного расследования, представленные Комитетом жертв Stardust. Он пришел к выводу, что первоначальный вывод о, «вероятно, умышленном» пожаре «так сформулирован, что могло возникнуть ошибочное впечатление... будто умышленное возникновение пожара – доказанный факт, а не гипотетическое объяснение возможных причин пожара». Он высказался против нового расследования, но предложил изменить формулировку публичного доклада таким образом, чтобы констатировать неясность причин. Таким образом, через 27 лет после самого трагического пожара в истории Ирландии правительство официально объявило, что его причины неизвестны. Поскольку ламповая комната «полностью уничтожена», 800 свидетелей и множество объективных криминалистов никогда не узнают, в чем подлинная причина возгорания. Ключ к тайне уничтожил огонь. И это стало одним из разочарований долгого расследования.

Пожары имеют разную степень сложности, но ломать голову, восстанавливая картину событий, приходится даже в относительно простых случаях. Возьмем типичный сценарий. Прохожий видит, что дом горит, и вызывает пожарную команду. Пожарные тушат огонь. Инженер-строитель объявляет, что входить в здание безопасно, и приезжает пожарный дознаватель – такой, как Ниам Ник Дейд, – чтобы выяснить причины возгорания и как распространился огонь.

Окаменелые остатки диатомей — одноклеточной водоросли — под микроскопом

Обычно Ниам начинает с устного опроса очевидцев, что необычно для судебных экспертов. В каком именно месте они видели огонь? Был ли это желтый огонь с белым дымом, как при горении бензина, или черный дым, как бывает, когда горит резина? Чтобы получить максимум информации от очевидцев, нужен навык. Ведь зачастую это люди, доведенные до отчаяния, для которых мир рухнул. Иногда дознаватели «прекращают допрос и уведомляют полицию, что данный человек вызывает подозрения». Известна аксиома: пожары на промышленных объектах нередко возникают, когда в бизнесе нелады, ибо фирмам выгоднее получить страховку, чем спасти убыточное предприятие. Но даже если поджога нет, люди могут лукавить. Скажем, в ответ на вопрос, где они курили перед пожаром в офисе, они обычно отвечают: в курилке. Однако опыт подсказывает Ниам, что «во время дождя люди обычно курят в вестибюле черного хода, где навален всякий хлам».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.